

Семен Васюков

Русская община на кавказско-черноморском побережье

Семен Иванович Васюков

Русская община на кавказско-черноморском побережье

Аннотация

«Кавказско-черноморское побережье мы знаем по курортным местам и посадам Туапсе, Сочи, Гагры и проч., но не знаем трудовых центров побережья, не знаем, как живет поселенный русский народ – и в чем его будущее?»

Побережье пережило культуры: греческую, римскую, черкесскую и в настоящее время переживает русскую. Еще в глубокой древности побережье считалось лакомым кусочком для народов, страной не только приятной по климату и роскошной растительности для дачного пребывания изнеженных патрициев, но и страной богатой и сильной по производительности и всяким естественным богатствам. Сколько остатков прежнего, отжитого величия, следов заселенности и жизни осталось и теперь еще!...»

Содержание

I	4
II	14
III	24
IV	34

Семен Васюков Русская община на кавказско- черноморском побережье

I

Кавказско-черноморское побережье мы знаем по курортным местам и посадкам Туапсе, Сочи, Гагры и проч., но не знаем трудовых центров побережья, не знаем, как живет поселенный русский народ – и в чем его будущее?

Побережье пережило культуры: греческую, римскую, черкесскую и в настоящее время переживает русскую. Еще в глубокой древности побережье считалось лакомым кусочком для народов, страной не только приятной по климату и роскошной растительности для дачного пребывания изнеженных патрициев, но и страной богатой и сильной по производительности и всяким естественным богатствам. Сколько остатков прежнего, отжитого величия, следов заселенности и жизни осталось и теперь еще!..

Но приступим к русской общине и культуре.

Местная война кончилась. Кавказ, а вместе с ним и побе-

режье покорены русскими. Черкесы ушли в Турцию, оставшиеся переселены в кубанские степи под надзор казаков. Закончили свою культуру горцы, и с 60-х годов побережье начало заселяться русскими. Интересны первые шаги поселенцев в стране для них новой, в совершенно незнакомых условиях. Они не имели понятия о местах, куда ехали, одни неволею, другие охотою, не знали, как и те, которые их посылали, как не знают до сих пор мест те, «кому ведать надлежит». Первые поселенцы были казаки-степняки тогда упраздненного шапсугского батальона, переведенного в гражданское состояние. Положение 18-го октября 1870 года предоставляло огромные льготы для поселившихся: при общинном земельном устройстве на каждую душу мужского пола, родившуюся до 1870 г., полагалось в юрту¹ по 20 десятин, кроме одной десятины, отведенной в полную их собственность (§ 55); общинная же земля была отрезана на правах крестьян-собственников. В течение 15-ти-летнего срока, считая с 10-го марта 1866 года, поселенцы освобождались от воинского постоя, от всяких гербовых и канцелярских пошлин, торговать могли по одним льготным свидетельствам без платежа пошлин, могли устраивать фабрики и заводы, не подвергаясь никаким денежным сборам в казну, и наконец освобождались от платежа податей и отправления денежной и натуральной повинности.

Вот какими льготами пользовались в новом, благодатном

¹ Юрт – мирская земля.

крае первые поселенцы-казаки, которых, если они шли охотою, наделяли кроме всего еще десятидесятичными «потомственными» (в частную собственность) участками. Но этих охотников, как видно из нарезанного числа участков, было не особенно много – пришлось селить силою, причем не пренебрегали порочными по приговорам столичных обществ членами. Таким образом организовалось 12 больших станиц с двумя поселками.

Впрочем, заселение или, вернее, *раздача земель* производилась не только простым казакам, но и офицерам упраздненного шапсугского батальона, которые получили бесплатно в полную собственность участки земли: штаб-офицеры по 400, а обер-офицеры по 200 десятин. Полковники и генералы верстались по 1 000 десятин. Но все эти крупные землевладельцы решительно никакой сельскохозяйственной деятельности не проявили; некоторые продали задешево жалованные земли, а другие, по-видимому, ждут цен и владеют огромными лесными и береговыми площадями земель, не имея на них не только какого-нибудь хозяйства, но даже турлучной хаты для сторожа, ибо эти вельможи предоставляют охрану своих владений местным лавочникам, платя им по 100 и даже по 50 руб. жалованья в год.

Мне приходилось делать десятки верст пешком по берегу моря. Идешь, идешь – скалы да лес, и нет ни жилья, ни человека. Потом спросишь: – Чьи эти земли? – «Такого-то генерала или князя!» – Отчего же пустуют такие прекрасные

береговые угодья? – «Да так, – отвечают местные жители: – прежде греки потихоньку табаком занимались, а теперь никого нет!...» Не мало земель принадлежит министерству государственных имуществ: в горах такие земли тоже пустынные, а по берегу нарезаны культурные участки в размере около 10 и более десятин, сдаваемые на льготных условиях частным лицам под высшие культуры. Но слабо прививается и двигается эта высшая культура, вследствие отсутствия дорог и, потому, дороговизны на самые необходимые предметы потребления и строительные и другие материалы. Морской путь почти не эксплуатируется для сельскохозяйственных потребностей, пароходы идут мимо селений и культурных участков и, точно издеваясь над несчастными хозяевами, идут близко, в какой-нибудь версте от берега! Кроме того, дорог перпендикулярных новороссийско-сухумскому шоссе нет, хотя прежде, при черкесах, таковые были и содержались в прочном порядке. Я лично в горах на охоте находил совершенно сохранившиеся каменные мосты, которые так заросли, что нельзя и подозревать было о их существовании, если бы не старейший, местный охотник, который мне указал эти мосты в непроходимой теперь горной глуши. Вообще, черкесы свои многочисленные горные дороги содержали хорошо, об источниках заботились чрезвычайно и лесоистреблением не занимались. Русские первые поселенцы не только не поддерживали черкесской культуры, для них полезной и прямо необходимой, но уничтожили даже следы жилищ и дорог

неприятеля.

Что же делали на первых порах поселенцы? Первые четыре года – ничего. Высадили их по береговым «щелям», указали им «рукой» земли и, прибавив, что все это – ваше, живите, мол, работайте и будет вам хорошо! Ни указаний, ни советов, о каких бы то ни было инструкторах не было ни речи, «ни думки». С ними вместе поселились священники и фельдшера, да еще начальники из бывших офицеров. Кругом – горы, дремучий лес и море, все незнакомые картины для степняков. Что им делать? Стали они «робить» хаты и балаганы по низменностям около речек, где никогда не селились черкесы, занимая жилищами своими возвышенности над низинами, в которых они разводили сады и разрабатывали поля. Русские, напротив, поставили хаты в самых низких местах, ниже даже уровня моря, и, разумеется, en masse заболели лихорадками. Священники и фельдшера пригодились, действительно, очень скоро: одни лечили, другие хоронили, ибо лихорадки при таких условиях выражались осложнениями, которые вели в могилу. «Много нас тогда перемерло, ох, много!» – рассказывали мне оставшиеся в живых поселенцы. – «Поверите ли, бывало, все лежим, подняться нет сил и воды некому подать... Что детей похоронили, – так и валились ребята!.. После – ничего, обтерпелись!»

Но я должен прибавить, что и теперь от лихорадок страдают главным образом первые поселенцы, старожилы, которых усадьбы находятся в ямах, между возвышенностями, среди

густой, непроходимой чащи фруктовых деревьев и непременно около речки. Кое-где еще оставались черкесы, которые уводили скот у переселенцев. На первых порах бывшим казакам пришлось обороняться от горцев, иметь с ними враждебные столкновения в горах, разыскивать еще существовавшие аулы. Вот во время этих экспедиций поселенцы находили некоторые запасы зерна, оставленные невольными эмигрантами-горцами, и цветущие, великолепные фруктовые их сады.

– Что было фруктов, – рассказывали мне старожилы, – и, Боже мой! По 25 пудов и более яблок и бергамот с дерева брали... Некуда фруктов было девать!.. Возить стали в город... Это, впрочем, после, когда провиант перестали выдавать.

Первые поселенцы в течение четырех лет получали солдатский паек по 1 п. 32 ф. муки и по 8½ фунтов крупы на человека, причем полный паек считался от семилетнего возраста, а до тех пор дети все-таки получали пол-пая. Для перевозки из Кубанской области многочисленного провианта в построенные склады была организована береговая флотилия на казенные средства, существующая и поныне на ту же субсидию, но решительно ничего для населения не работающая, а служащая интересам богатейшего акционерного «Русского Общества пароходства и торговли», очень известного, как в текущей прессе, так и местным береговым жителям Черного моря, своими отрицательными отношениями.

Другими словами, это Общество существует исключительно для своих акционеров, их интересов, но не для развития края, причем оно – монопольное.

Итак, поселенцы были обеспечены мукой, крупой, превосходными фруктами и рыбой, в изобилии живущей в море и речках.

– Я был грамотный, – рассказывал мне казак-переселенец, заведывающий раздачей провианта в одной из станиц, и потому был назначен по выдаче пайков. Дела было много... разные счета и расчеты... Бывало, в семье родится хлопец, сейчас же его батько бежит ко мне: «Пиши, – говорит, – вноси в списки едока!» – дня, ведь, не пропустит, бисов сын!

– А что, хватало пайков? не голодали поселенцы?..

– И, что вы!.. не тильки хватало, оставалось дюже... Скільки тех пайков пропивалось... Квитки можно было менять на что угодно, в магазине всякого товара было!.. горилка тоже!!..

– А что, от лихорадки в вашей станице добре помирали?

– Из 888 человек в нашей станице за два, кажется, года померло около 200 человек. Это взрослых, а детей – пропасть!..

– Много садов оставили черкесы?

– Много... хо-оррошие сады... Если бы не порубили, и по сие время фруктов хватило бы на всех!.. Теперь пооставалось мало, которые после запрета...

– Зачем же было рубить фруктовые деревья, когда кругом леса сколько угодно!?

– Зачем?! – усмехаясь, отвечал мне старожил. – А затем, что не хотелось «лезти» на дерево, чтобы сымать фрухты; а срубил, значит и собрал с лежачего дерева прямо на фуру, да и айда!.. Многие так делали!.. После, когда перестала казна паек выдавать, когда на свои средства кормиться стали, вот тогда и взялись за ум, и запрет положили, и штраф...

– Какой запрет?

– Мирской!.. – приговор, значит! Все черкесские, какие ближние, сады по дворам надельным поделили, и кто у кого фрухту чужую снимет, с того 10 р. в общество штраф... Еще бы, когда после казенного пайка нас черкесская фрухта кормить стала, и мы стали ее беречь!

– Каким же это образом?

– Очень просто! Стали возить, да и теперь возим яблоки и бергамоты в Екатеринодар и меняем на муку, пуд на пуд выходит... Когда на фрухту урожай, мы всегда с хлебом, который у нас в лавках продается по 1 р. 60 к. пуд... А какой хлеб? сами видели!..

– Да, мука не важная! – согласился я.

– Вот из-за хлеба-то мы и бьемся, и вспоминаем наши кубанские степи. В горах пшеница если и родит, – то мышь ее поест, то ливнем весной снесет... Трудно надеяться на здешние урожаи хлеба!..

– А хлеб все сеют?

– А как же!?!.. известно, – все жители...

– А сады не разводят?

– Мало кто!.. Почти можно сказать, что этим не занимаются.

Считаю нелишним для характеристики первых поселенцев-казаков привести довольно оригинальный факт. Когда наступило время поселенцам стать на свои хозяйские ноги, когда пришла пора окончания выдачи казенной помощи натурой, то остроумные казаки заявили по начальству, что пшеница на горной земле совершенно не родит, а им без хлеба жить невозможно. Тогда послан был чиновник, при котором поселенцы должны были посеять выданную им пшеницу. Что же они сделали?.. Предварительно обварили зерно в кипятке, а затем посеяли. Пшеница, конечно, не родила, что им дало возможность еще год прожить на казенных хлебах, хотя их хитроумная проделка была узнана властями впоследствии. С тех пор началась самостоятельная жизнь первых поселенцев, жизнь, по правде сказать, трудная, без дорог, без близких рынков; выручали одни только черкесские фрукты, когда по осени поселенские фуры из новороссийского (нынешнего) округа тянулись в Новороссийск, а из туапсинского в Екатеринодар через горные перевалы по трудным дорогам.

Так прошло время до проведения так называемого голодного шоссе (от Новороссийска до Сухума) в 1891 году и до прибытия из России новых поселенцев, которые известны на побережье под именем новоселов. Еще черноморская губерния не организовалась, и побережье принадлежа-

ло к Кубанской области, как черноморский округ. Губерния же объявилась только в 1896 году. В то время были назначены попечители, из которых проявил некоторую деятельность М. Ф. Пенчул. Он разъезжал по станицам, раздавал для посадки деревья, но, к сожалению, из этого почти ничего не вышло, – поселяне расчищали лес и сеяли пшеницу. Фруктовые деревья садили немногие, хотя самые тонкие французские сорта принимались и шли прекрасно без всякого со стороны поселенцев ухода.

II

Конец 80-х и начало 90-х годов ознаменовались приливом новых поселенцев, которых при самом их первом появлении принимали в свое общество старые жители по приговорам, взимая с каждой семьи по 25 рублей. Затем местное начальство селило пришлых из России людей по приказу, селило в те же станицы казаков-старожилов.

Но эти новые поселенцы селились уже на других условиях, а именно на основании «Положения», Высочайше утвержденного, 10 марта 1866 года, причем надел производился не на душу, а на двор или семью по 30 десятин более или менее удобной земли, как пахотной, так и сенокосной. Но этих подворных наделов новоселам не отрезали, а они, поступив в общество, получали одну, две десятины под расчистку земли из-под леса. Прежде чем обделать землю под пашни, нужно было корчевать лес, а корчевка в горах – трудная, ибо на побережье крепка и почва, и растительность.

Новоселам под их усадебные места обществом указывалась земля в количестве 800 кв. сажен около жилищ старо-селов. Таким образом росли станицы, застраивались, и старо- и новожилы составляли одно общество, платя одинаковые мирские, но различные казенные подати. Около этого времени начальник черноморского округа, грек Никифоракки, выписывал из Малой Азии и селил на побережье греков,

как и русских новоселов, на основании «Положения» 10 марта 1866 г. Кроме греков, в половине 80-х годов были поселены чехи, поляки и эстонцы. Последние, наделенные также тридцатидесятиными наделами на семью, были поселены отдельно, составляя самостоятельные земледельческие колонии, но также на условиях общинного землевладения.

Чтобы лучше уяснить читателю характер русской общины на побережье, я возьму одну из больших станиц туапсинского округа, которую я изучил детально. Тогда легко понять ту земельную неурядицу, которая ведет русскую культуру на побережье к отрицательным результатам и при которой немислимо ждать производительного труда и более или менее стройного хозяйства, согласно местным почвенным и климатическим условиям.

Станица или селение, которое я теперь буду описывать, большое – более 200 дворов, – с населением вместе с иногородными насчитывает более 1 400 душ обоого пола, причем старожилов 548 душ, а новожилов 730 душ, остальное число жителей приходится на посторонний общине элемент: на дачников, рабочих, духовенство, полицию, лавочников и проч. Как я уже упоминал, старожилы живут в самых низких местах станицы, новожилы – ближе к морю, тоже около речки; лишь некоторые из них поставили хаты по возвышенным местам, где сравнительно сухо и вид на море великолепный, чем, впрочем, интересуется разве редкий житель селения. Степняки не любят моря и гор, причем расчищен-

ные в горах места под посевы они называют *степью*.

– Где твой батько! – спросишь мальчика около хаты.

– На степу! – отвечает малый или жена поселянина.

Вокруг старожильских хат растут сильные черкесские яблони и груши, которые так разрослись, что переплетаются ветвями друг с другом; некоторые ветви засохли, но хозяева не обрезают их и фруктовых деревьев не окапывают. Но удивительно: растут и дают изобильные урожаи прекрасных плодов эти полудикия черкесские деревья. Изредка встретится груша французского происхождения, тоже урожайная без ухода. Откуда? Раздавал попечитель Пенчул, посадили и растет, и «рясно» дает плоды! Одним словом, при самом беглом осмотре совершенно ясно, что сама природа создала это место для высших культур плодоводства и виноградарства, но поселяне совершенно глухи к этому и многолетними культурами не занимаются, сосредоточив все свои интересы «в степи», где пшеница и их баштаны. Вы не думайте, что это происходит от невежества и их полного непонимания собственных интересов; нет, здесь другие причины, исключительно земельные, о которых будет речь впереди.

Итак, разнородная, разнохарактерная община работает «на степи», высшими культурами не занимается. Как же распределены их земли? участками? поровну? по переделу? – решительно никакого порядка в этом общинном владении нет, нет ничего похожего на великорусское равнение общинное, и нет ничего хоть сколько-нибудь похожего на земель-

ную справедливость.

Старожилы владеют участками большею частью близкими к селению, хотя таковые имеются и у новожилов, пришедших раньше: так что старо- и новожилы «в степи» владеют смежно, да и там дальше вместе с новожилами работают и старожилы, одним словом, владение землей мирской – смешанное, без разделения старых поселенцев от новых. Конечно, у всякого старожила в юрту имеется участок, у одного по размерам больше, у другого меньше; владеет каждый тем количеством, которое он занял и расчистил из под леса, когда земли было много вольной и когда новожилов было немного или они еще вовсе не приходили. Таким образом, у одного в пользовании 5 десятин, у другого – 10 и более, а у третьего – 3 и даже одна десятина. Это у старожилов. А у новожилов и того хуже: одни имеют в пользовании несколько десятин, другие с грехом пополам владеют по одной и по полторы десятины, а некоторые, и немало таких, не имеют вовсе надельной земли, хотя все подати сполна платят наравне с пользующимися землею. Можете себе представить мирское согласие в такой общине при таких земельных условиях, и если к этому еще прибавить, что община составлялась по времени разноплеменная: членами её и казаки-кубанцы, и крестьяне-хохлы киевской, херсонской, черниговской губерний, и великороссы орловской, курской и др., и все это вместе, одни с землей, другие без земли, хотя по «Положению» всем полагается. Но что делать, когда бо-

лее или менее удобные участки заняты и остаются горы высокие, да скалы, да земля каменистая (известковая), годная для виноградников, но не для посева пшеницы.

Надо помнить, что в горном побережье ведется хозяйство степное, – в этом-то и состоит хозяйственная трагикомедия, причем такое положение вещей до тех пор будет составлять земельную характеристику побережья, пока будет существовать *в горном крае степная* и притом смешанная община!

В общине, которую я взял, как представительницу остальных русских селений и притом без греческого населения, – что, конечно, подбавляет путаницы и несогласия, – в этой общине всех старожилов 548 душ обоего пола и новожилов 730 душ. Старожилы, как крестьяне собственники, с 1881 года платят подати: а) земельной государственной подати и б) казенного земского (земства в черноморской губ. нет) по 3 р. 39 к. с наделной души, да мирского сбора 3 р. 49, итого 6 р. 88 к. Новожилы с каждого двора мирского сбора – такую же цифру 3 р. 49 к., земского и оброчной подати 4 р. 46 к., итого 7 р. 95 к. в год. В это же общество входят две небольшие колонии чехов и поляков, о которых я должен, спустя немного, сказать несколько слов. Колонисты поселены тоже на 30-тидесятинном наделе, как и новожилы, но податей платят больше: оброчной подати и земского сбора с двора по 7 р. 96 к. и мирского сбора 2 р. 55 к., следовательно, всего в год – 10 р. 51.

Таким образом, выходит, что подати казенные с членов

одного и того же общества берутся неравные, и как это ни странно, – с тех меньше, кто пользуется землей больше. Ошибка, конечно, была в том, что старо- и новожилов селили в одну общину, а нужно было их выделять порознь, с нарезом на каждую по отдельному юрту. Немудрено, что в такой странной, разнохарактерной общине при земельных притязаниях и притом вполне законных, как со стороны старо-, так и новожилов, между ними происходят постоянные несогласия решительно по каждому вопросу, даже не касающемуся земельных наделов, ибо неравенство в пользовании последних составляет тот тяжелый кошмар, который *всегда* висит над русской общиной на побережье. Разделить их теперь на два юрта, разрубить пополам это хотя и нелепое, но живое тело, вряд ли целесообразно, но делать все-таки что-нибудь нужно: такую общину оставлять на побережье нельзя. Местная администрация, по-видимому, пришла к такому же выводу, ибо в прошедшем (1904) году летом были попытки разделить в земельном отношении старожилов от новожилов, разделить чертой на правую и левую сторону: по одной стороне будут жить и работать старо, а по другой новожиловы. Попытки эти в общем потерпели неудачу, да и в самом деле какой это раздел, который должен повести за собой многочисленные разделы, переделы, обмены, замены земельными участками между всеми членами общины, короче сказать – *коренной* передел *всего* юрта, всей земли, как старо, так и новожиловской. одни общи-

ны от такого раздела отказались; другие, разделившись направо и налево (по речке), вступили в еще более враждебные отношения, нежели были прежде, стали требовать выкупа обработанных участков, которые перешли от обработавших к неработавшим, причем первым достались участки девственные, которые нужно корчевать, т. е. тянуть мочалу опять сначала! Прибавьте ко всему, что эти земельные «Монтекки и Капулетти» между собой породнились посредством браков, что они составляют и будут составлять *один* мир, один приход, что все другие, кроме земельных, интересы у них общие, и что в неравных земельных правах старости и новожилы связаны между собою на всю жизнь крепкими узами. Не это ли удивительно?

– Как же вы теперь разделитесь? – спрашиваю я у члена удивительной общины. – Что же? у вас выгон и прогон будут общие?

– Какое!! – ответил общинник. – Разные выгоны будут... начистую надо разделиться, потому – без этого нельзя нам!..

– Как же разделиться-то, когда участки ваши перемешаны, как в беспорядке шашки, – говорю я. – Вот у тебя обработанный участок, а ты получишь хмиречь²!..

– Пускай! – отвечает мой собеседник с отчаянием. – Пускай, лишь бы *мой* участок был, *какой он ни на есть*... Я бы, может, фрукты там посадил, или виноград, когда зем-

² Хмиречь – местное название мелколесья с колючим непролазным кустарником.

ля под хлеб не годится... Разделиться надо... Сколько годов ждем земли своей!..

Это говорил мне новожил. Теперь послушаем, что говорит старожил.

– У меня участок – как-раз для сада... хороший был бы сад, о, какой хороший, и я охотник заняться бы им, не для себя, а для детей выросил бы... Какой участок! и от норода защищенный, а вот приходится картофель, кукурузу садить!..

– Почему?

– Как почему? – ответил он с удивлением. – При разделе, может, мой участок отойдет к другому, которому и садик мой достанется... Это не дело!.. Еслибы семье моей пошел, тогда отчего не постараться!..

– Стало-быть вы желали бы, чтобы ваш юртовой участок поступил в вашу полную собственность, и но смерти вашей перешел бы к детям по наследству?..

Старик совсем оживился.

– Еще бы не желать!.. Тогда все, и садик, и виноградничек, все можно обладать... Пускай десять, хоть пять десятин удобной земли, остальная будет неудобная, но своя, собственная, тогда – совсем другое дело!..

Другой, третий, четвертый старожители говорят то же, одним словом, так: «Пусть отдадут нам по двадцати десятин ровной земли, удобной и неудобной вместе, пусть нарежут двадцатидесятинные участки – мы сами разделим, сами

и под выпас, и под прогоны отведем, и больше нам ничего не нужно!.. А теперь сами знаете, какое может быть хозяйство?!.. Самое неверное... Вот, еслибы не нагнали к нам этих новожителей... тогда – еще бы!»... Но уже при последних словах тон благодушного мечтателя быстро, при одном имени новожителя, переходит сразу в озлобленный.

Что касается новожителей, то они гораздо стоворчивее первых. В самом деле, очень многие из них не имеют ни клочка земли в юрту и живут многие годы в ожидании, прирабатывая на стороне, занимаясь плотничьим делом, пилкой леса и проч.

– Отчего же не похлопочешь об участке в юрту? – спрашиваю я такого новожителя.

– Удобных, говорят, земель нет; указывают, вон, на те горы, да что я там буду робить?!..

– Отчего же. далеко? земля негодная что-ли?..

– Да нет, земля хорошая!.. Оно, конечно, не близко... Трудная там раскорчевка!..

– Стало быть и прекрасно!.. Взять и работать!..

– Ничего бы! Вода там родниковая, хату можно поставить... Какой баштан будет!..

Вы слушаете и дивитесь.

– В чем же дело, наконец?!

– Раздел скоро будет, тогда мои труды пропадут даром... Там хоть и далеко, а раскорчеванную землю всякий возьмет... Надо правду сказать, добрая земля... и вода хорошая!

Дайте такому новоселу участок в полное владение, — он не на такой горе возьмет, не посмотрит на всю тяжесть разработки земли, он рук не положит, пока не вычистит все «хмиречье», не повалит крепких кавказских деревьев, пока вполне не устроится на *своем месте*. А теперь болтается, прирабатывает и ждет своего надела, своей земли, которая от него не отойдет и которая никакому переделу подлежать не будет. Что тогда он будет робить на своем участке — это покажет будущее, покажут его способности и хозяйственные соображения, хотя степняка трудно оторвать от зернового хозяйства и поставить на другую культуру, но время и местные условия сделают свое дело, а в способностях русского человека природа не обидела. Во всяком случае будущее крестьянского хозяйства на побережье, в смысле прогресса и устойчивости, никоим образом не может выразиться при условии общинного землевладения, а тем более такого, которое роковым образом создалось на побережье и которое на многие, многие годы несомненно будет тормозить развитие края и даже вредно отражаться на его будущем, что мы сейчас и постараемся доказать.

III

Мне возразят, что чехи, поляки, эстонцы и вообще колонисты живут и устроились на побережье недурно, и их хозяйства, если не процветают, все-таки поставлены хорошо, – а они поселены на том же юртовом (общинном) «Положении» 10 марта 1866 года, как и русские поселенцы-новожи-лы.

Так-то оно так, да разница огромная. Начать с того, что колонисты не внесли с собой ни малейшего понятия о юртовом землепользовании. Они пришли; положим, их было тридцать семей, и они получили, по «Положению», юрт – ровно девятьсот десятин удобной и неудобной земли. Что же они сделали на первых порах? Очень просто, – разделили землю подворно, поровну, отвели под выпас, кое-что оставили под Общественным лесом и начали работать, работать крепко, не покладая рук своих. Разве что-либо подобное сделали первые поселенцы, разве они поделили между собой участки, когда земли было много? Правда, начальство их кормило, о них заботилось, но что из этого вышло?! Чехам отвели землю и оставили их совершенно в покое, лишь бы платили подати. Действительно, за колонистами *никогда* не бывает недоимок, и все подати они *всегда* вносят ранее срока, а за русскими поселенцами, старо- и новожилами, почти всегда недоимки казенные, а из мирских они ни-

когда не выходят, и ничтожное жалование писарю (20 рублей в месяц) выплачивают с натугой. Чехи культивировали землю, приноравливаясь к местным условиям, и отлично доказали, что хозяйствовать на побережье можно, да еще как, а русские устраивались да устраивались и, кроме вырубки лесов на продажу, ровно ни в чем себя не проявили, кроме земельных неурядиц, а ведь и те и другие – в одних и тех же условиях; а чехи, принадлежащие, внешним образом, к тому селению, которое я имею в виду в этом очерке, – даже в худших условиях, ибо их колонии в горах, далеко от моря – и виноградная культура недоступна, да и фруктовая страдает от весенних заморозков, а у русских этого нет – все благоприятно и для виноградарства, и плодоводства.

Но послушайте, что говорил мне чех одной из этих колоний.

– Мы и несколько польских семей пришли сюда, на побережье, из Австрии в 1884 году, когда трудное житье было здесь; шоссе еще не было построено, дороги – плохия, хлеба достать и за деньги было трудно!.. Пришли мы с какими достатками?! Капиталов никаких не было, даже одёжины не доставало; кроме крепких рабочих рук, да сильного желания свободно хозяйствовать – ничего у нас не было... Ну, и бедствовали по первоначально, сильно бедствовали!.. Стали расчищать землю, пшеницу посеяли, скотину завели, траву на семена выписали, ну, дела и пошли – и стало теперь хорошо. Вы видели мое хозяйство?.. Лошади хорошие,

скота довольно, все есть и денег сот семь, восемь в запасе всегда найдется. Теперь табаком почти все занимаемся – дело выгодное!..

– Стало-быть, здесь выгодно хозяйничать, землей кормиться?..

– Еще бы, – отвечал колонист, – и чем дальше, тем выгоднее будет.

– Отчего же русские плохо живут?

– Несогласия, земли своей не знают, все делятся, спорят... как это можно?! При хозяйстве спокойствие нужно, надо думать, много думать! – прибавил серьезно колонист.

Действительно, колонисты – прекрасные, разумные и вполне самостоятельные работники. В этом я убедился при подворном исследовании некоторых колоний. Они довольно скоро приспособились к местным условиям, и хозяйство ведут разное: где виноградная культура, там они занимаются виноделием, где фрукты рождают, там плодоводством, а в лесных местах – скотоводством и производством молочных продуктов. На черноморском побережье лучше чешского (вообще колонистов, которых называют чехами) масла не найти, также молока, сметаны и проч.

В селении русском трудно найти бутылку хорошего молока, а масла положительно нет, и немудрено – скот худой, заморенный, без всякого ухода и постоянно на подножном корму. У чехов – наоборот, скот содержится не только хорошо, но со вниманием и несомненным знанием скотовод-

ства. Помещения – просторные, светлые, пол деревянный – таких скотных построек не имеется ни в одной русской станции даже у самого богатого поселянина. Стойловое содержание скота в колониях продолжается в течение трех месяцев, и навоз, накопившийся в помещениях, увозится на поля. Кормится во время зимнего содержания скот отличным сеном из сеянных трав клевера, люцерны.

Понятно, молочные продукты превосходны.

Кроме того, чехи занимаются культурой табака, который считается лучшим и на рынке ценится (рубля на два пуд) выше поселянского табака. Но какая разница в количестве производимого табака колонистами и русскими? Всех плантаторов-поселян в селении, которое я описываю, при наличности более 200 дворов, 19 человек, обрабатывающих под табак земли около 12 десятин, а первая колония при 15 дворах и 15 плантаторах обрабатывает 11 десятин, а вторая колония при 14 дворах и 13-ти плантаторах обрабатывает 8 десятин и 1 800 кв. саж. Разница огромная, если принять во внимание принадлежащие площади земель: русские поселенцы имеют во владении более 7 000 десятин, а каждая колония чехов 420–450 десятин.

В этом большом прибрежном русском селении, как уже по опыту доказано, виноград и фрукты родятся самого тонкого, высокого качества. Но, спрашивается, сколько хозяев этим делом занимаются, и какое количество земли под означенными культурами находится? Виноградниками – 8 че-

людек, у которых всего заложено виноградными лозами одна десятина 1 400 кв. саж., причем культура ведется самым примитивным образом, так как крестьяне о виноградарстве, а тем более виноделии понятия никакого не имеют и научить их некому. Что касается разных инструкторов-чиновников, то, живя в течение двух лет в этом самом селении, я ни разу не видал ни одного, хотя слышал, что какой-то специалист по плодоводству или виноградарству проехал чрез селение, через которое, впрочем, проходит шоссе.

Поселяне отчасти кормятся оставшимися черкесскими садами, которые до сих пор дают чудные фрукты, *всегда* имеющие сбыт в Новороссийске и Екатеринодаре. Прекрасно, но сколько завели эти поселяне в течение сорокалетнего хозяйства своих собственных садов в описываемом мною типичном русском селении побережья? Всего 15 садов, занимающих площадь 3 десятины 1 650 кв. саж. Но к этому надо прибавить, что большинство деревьев в означенных садах – *старые черкесские*. Еще прибавлю, что преобладающими фруктами в садочках (если не черкесское яблоко и груша) являются сливы и притом мелкий, плохой сорт, так как черкесские крупные, сочные сливы уже вывелись и имеются два дерева у одного поселянина-старожила.

Но что за виноградники у некоторых старожилов?! Покончило свое существование столетнее дерево ореха недалеко от хаты хозяина, от гиганта осталась нижняя часть ствола с несколькими засохшими ветвями, по которым пущена

«изабелла». Ну, не оригинальный ли виноградник?!..

Но чем же живут русские поселенцы на побережье? – спросит читатель. – Вы говорите, хлеба у них нет, а если хватает, то, слава Богу, до нового года; табаком занимаются немногие, о плодоводстве и виноградарстве и говорить нечего; остаются черкесские фрукты, которые русские меняют на хлеб... Ну, а если эти благодетельные фрукты не уродятся, тогда что?

Вот на этот вопрос я и постараюсь ответить обстоятельно.

Русские поселяне побережья или черноморской губернии занимаются продажей леса, притом в весьма солидных размерах. Торговля эта в последние годы вполне организована и лесоистребление идет, что называется, «во всю». В результате горные реки мельчают, а малые и совсем пропадают; великолепные родники горные, что так берегли и чем гордились черкесы, отходят в область предания; климат, изменяясь, становится более суровым зимой, ибо уничтожение лесов дает полный простор северо-восточным ветрам, которые без задержки теперь падают в долины и проч. Истреблением и продажей леса поселяне кормятся, уплачивают подати и живут сравнительно не дурно, нисколько не думая о разведении высших культур и вообще о приспособленном к местным условиям хозяйстве. Что думать?! Леса в горах общественного много, на наш век хватит, а после... а после хоть трава не расти! Когда-то еще разделятся, да переделаются, лес не принадлежит ни Ивану, ни Степану, руби его; изводи

и давай наживаться местным своим кулакам и заезжим скупщикам, которые поселились в русских станицах под флагом мелочных лавочников.

Мне возразят: но как же рубят в таком количестве поселяне общественный лес и кто им на это дает разрешение? Как кто? Конечно, местное начальство, к которому поселяне обращаются со слезными просьбами, что хлеб не уродил, что нечем кормиться и нечем подати платить. Начальство разрешает вырубку леса по $\frac{1}{8}$ и менее десятины на хозяина; что же, в самом деле, делать, как отказать, когда, действительно, пшеницу мышь съела, когда от засухи травы не родились и проч.? Что делать!.. рубите, православные!.. И православные рубят, рубят и возят и день, и ночь, и считают дрова кубическими саженьями, продавая каждую по 12 рублей. Все это дровяное богатство, среди которого, да и по большей части, великолепные строевые дубовые экземпляры свозятся на морской берег, где складываются в штабели и приходящими парусными судами и грузовыми, пароходами грузятся и увозятся в Керчь, Мариуполь, Бердянск и другие города. С тех пор, как организовалась правильная лесная торговля на побережье, некоторые поселяне прибрежных станиц обзавелись фелюгами³, посредством которых зарабатывают «добре». Кто же эти лесопромышленники и какая почва их создала? Неустойчивость общинного хозяйства на побережье и постоянная нужда в хлебе, который притом дорог,

³ Морская лодка, поднимающая до 300 пудов груза.

так как пароходы для экономических надобностей селений в их бухты не заходят, а все жизненные и хозяйственные продукты доставляются гужевым способом из Кубанской области, Екатеринодара, Керчи через Новороссийск.

При крайне ограниченных потребностях в нашем селении существуют три мелочных лавки, которые между собой не конкурируют и цены держат высоко. Почему? Да собственно специальная их торговля не в мелочи, а в лесе. Для мелочной торговли в таком селении совершенно достаточно одной лавки, но их три. Хитрая механика состоит в том, что главный предмет торговли такого мелочного торговца – лес, под который лавочник отпускает поселянам крупу, муку, разные товары в долг. О цене и добротности товара при таких условиях не может быть речи: во-первых – кредит, а во-вторых – нужда. Таким образом, побережные общинники мало-помалу очутились в руках скупщиков леса. Лес – вся надежда русского поселянина на побережье, лес – верное средство добыть всегда и муки, и чаю, и сахару, и даже одежду. Конечно, для такого промысла нужно иметь пару волов или лошадей, пилу, топор и только. При таком положении огромное количество леса увозится с побережья. Летом сразу по нескольку судов приходят в каждое береговое селение для погрузки леса. Поселяне возят, возят и нет конца этому лесоистреблению.

Рубят лес сплошь, не молодой, но старый, дубовый, рубят, оставляя мелочь, пни и кустарник, не корчуя, не разделя-

вая землю под пашню. Через несколько лет, а то и на другой год, на месте величавых дубов образовывается сплошная колючка, непролазная, мелкая чаща, через которую ни пройти, ни проехать невозможно. Вот вам и культура!

Но много еще леса на побережье: когда-то его еще весь вырубят! Постоянной, непрерывной рубке леса в большой степени помогают наследственные, собственные участки, о которых я упоминал выше. Когда запрещено рубить общественный лес на продажу, то возят лес с потомственных участков, а поди разбери, где срублено дерево? Нужно для этого иметь особый надзор, целый пожалуй штат надсмотрщиков! Кроме того, для своей надобности, для постройки, ремонта, наконец для отопления рубить лес во всякое время можно... И рубят... Рубят и возят часто не по обыкновенной дороге, но через кусты и речки, вокруг станицы и притом ночью. Некоторое время, и довольно продолжительное, я наблюдал за одним сравнительно зажиточным поселянином, который вместе с сыном, на тройке лошадей при двух подводах, буквально и день и ночь, возил окольными дорогами лес. Я удивлялся и думал, когда же, наконец, спят эти люди? Станица, неправильно разбросанная по низинам и возвышенностям, представляет любопытную и характерную картину.

Буквально, у каждого двора хаты близ ворот на улице сложены или солидные брэнна, или напиленные дрова, у одного больше, у другого – меньше, но непременно какой-нибудь

лес да сложен, конечно, в ожидании отправки к морю. Если заглянете во внутрь двора, то увидите тоже спиленные деревья дуба, ольхи, береста и другие. Пойдемте к морю. На пространстве более версты берега – дрова и дрова, помеченные, кому принадлежат. Еслибы Калхас заглянул в нашу станицу, то сказал бы: «Все дрова, дрова!.. слишком много дров!»

Но, между тем, здесь все растет, и производительность почвы в высокой степени интенсивна и разнообразна. Как-нибудь одна десятина безусловно может прокормить целое семейство, но для этого хозяин-работник должен обладать некоторыми сельскохозяйственными знаниями и опытом, а побережный поселянин, выросший на административной опеке, в большинстве случаев вполне безграмотен и к просвещению даже не стремится, несмотря на то, что в станице два училища: одно двух-классное, министерское, другое – церковно-приходское. В первом учатся мальчики, во втором – девочки. Отцы отдают в школу только маленьких, а едва хлопцы подрастают и несколько крепнут, берут в работы или пасти коз, овец, – вообще, дело найдется. Да и на что ему грамота, когда его настоящее и будущее заключаются в рубке и воске леса с гор на берег моря. Льготы по воинской повинности и те не привлекают: в нашей станице еще ни один ученик не выдержал экзамена, дающего право на такую льготу.

IV

Повторяю, производительность и естественное богатство узкой приморской полосы, куда входит черноморская губерния, вне всякого сомнения. Но что же делать? Как эксплуатировать благородную природу?

Назад тому два года, в нескольких верстах от селения на берегу моря поселился швейцарец М. Он взял в аренду у частного владельца землю и стал хозяйничать. Уже через год пустынный уголок сделался цветущим. Опытный садовод чего-чего только не развел на своем участке: лучшие фруктовые сорта плодов, декоративные, до семидесяти видов роз и проч. Разводя школу и, внимательно наблюдая, г. М. пришел к заключению, что лучшего места для плодоводства, как побережье черноморской губернии, едва ли можно найти в южной Европе.

– Мои двухлетние опыты блестящи, – говорил он мне: – посмотрите, как все растет сильно и крепко, безыскусственно, так как я поливки не допускаю. Я долго работал в южной Франции и Крыму, но такой сильной почвы, такой производительности не встречал еще... Здесь приятно работать!

И действительно, работает человек, и люди видят это и начинают понимать. За дешевую цену у швейцарца можно купить однолетних и двухлетних фруктовых посадок, за совершенные пустышки можно развести роскошный промышлен-

ный сад.

Развел небольшой сад я: все деревья, выдержав довольно суровую зиму, принялись превосходно. Какой рост и стройность, и сила! Поселяне знали, у кого я приобрел посадки, и что же? Они стали покупать деревья, чтобы садить около хат, одним словом, разводить на усадебной садовки.

– Отчего бы вам не попробовать заняться садами на наделных участках? Я знаю там места прекрасные...

– Да и мы знаем места, – соглашались они, – да Бог ее знает, разведешь сад, а земля от тебя отойдет... земля-то общественная, сегодня моя, завтра – твоя...

– Можно и общественную землю по приговору общества переделить участками надолго, на двенадцать лет, например.

– Нет, такое дело не подойдет... Табаком, какурузой еще можно заниматься, да и то трудно, а садами и совсем невозможно...

– А еслибы юртовой участок совсем не отошел бы, если он обработан под сад, виноградник?..

– И тогда нам не с руки этим делом заниматься... Около дома можно, можно и присмотреть, и оберегать, потому мы живем в станице...

– Отчего же не жить там, если будет большой сад?.. Кстати, у вас там все хозяйство, и посевы, и баштан...

– Это на «степу» – то жить?! – заметил еще молодой хозяин. – Ой, было бы хорошо, да начальство не позволяет!.. Жить надо в станице, чтобы повинности справлять разные!..

– Разве нельзя жить на надельных участках?

– Воспрещено! А разве сад без надзора можно оставить: сколько там всякого зверья, и медведей, и диких коз... и зиму и лето будут хозяйствовать по-своему!..

Приходится задуматься над такими обстоятельствами, задуматься и придти к заключению о полной недостаточности нашего общинного землевладения на побережье, совершенно не пригодном для зерновых культур, которыми уже сорок лет пробавляются русские поселенцы. В самом деле, там, где они по степной привычке колупают одну, две десятины под пшеницу, мог бы расти прекрасный сад, а там выше, на землях, теперь считающихся безусловно неудобными, развивалась бы тонкая виноградная лоза...

* * *

Бегло очертив русскую общину на побережье, тяжелые, запутанные условия, в которых эта община пребывает в настоящее время, мы невольно приходим к печальному выводу: только слишком поверхностные наблюдатели не могут заметить, что сами поселяне тяготятся такой формой землевладения и хозяйственный выход и свое будущее устойчивое хозяйство видят в подворном наследственном праве владения, притом при совершенно свободном земледельческом труде, без всякой административной опеки, которая, как мы видим, до добра не довела и общинное поселянское хозяй-

ство. Во время моего трехлетнего пребывания и скитания по русским поселенным центрам побережья, во время бесед с сельскими жителями, я ни от одного русского не слышал ничего в защиту общинного владения, – решительно все поселяне желают иметь *собственные* участки. На таком только принципе и возможен раздел переселенцев. Правда, некоторые поселенцы на первых порах продадут свои участки и уйдут в Россию. Может быть, что их скупят кулаки и земля таких участков станет предметом спекуляции, будет продаваться. Но я не думаю, чтобы такая спекуляция имела прочную почву среди трудового элемента, вдали от морского берега, за которым собственно и гонятся дачники и наезжие культурные люди. Напротив, нам кажется, что трудовые поселки привлекают в свою среду свойственные им элементы, которые на своей земле, при благоприятном климате, потрудятся действительно над высшими культурами. Может быть, культурно-трудовое пионерство внесет новый дух, новую струю, освежающую атмосферу косного поселянского хозяйства, создавшегося в новом крае, благодаря неблагоприятным условиям, вследствие того, что этот край не был изучен не только систематически, но даже и поверхностно.

Указывая на полную непригодность на побережье общинного землевладения, я должен прибавить, что в принципе я не противник этой русской исторической формы землевладения. Я совершенно понимаю такую форму в степных полосах при зерновом хозяйстве и сравнительно однородной

по качеству земле. Я прекрасно знаю, насколько приспособились наши крестьяне к совершенно справедливому, точному и сложному (по клиньям) равнению полей и сенокосов во время переделов, когда принимаются со внимание и качество, и отдаленность земель от усадебных мест, и даже топографические условия наделов. Но попробуйте переделить справедливо на основании принципа общинного землевладения горные и приморские земли побережья, где каждая пядь, каждый кусок нескольких квадратных сажен представляет собой разницу и весьма часто резкую, – например, одна и другая полоса, совершенно равные по количеству, одинаковые по качеству почвы, находящиеся под равными углами наклона, но первая полоса на юг, а вторая на север, и что же? Первая – дорогое для виноградника место, а вторая решительно ничего не стоит: это безусловно неудобная земля. С лесом – наоборот: на северных склонах растет сильный, могучий лес, а на южных – слабее древесная растительность, кустарники богаче, разрастается больше лозняк, колючка, к северу же лес почти чистый.

Вот условия для хозяйства, разнообразные, еще не исследованные, не изученные. В самом деле, прошло сорок лет, а мы не имеем даже простого статистического исследования побережья, края сравнительно небольшого, с населением сто тысяч душ. Не говоря о том, что такой статистический материал давал бы больше возможности ориентироваться в тех вопросах, которые я затрагиваю, но сведения

эти были бы важны для истории русской культуры на побережье. Вопрос о статистическом исследовании был затронут в текущей прессе; в феврале 1903 г. мною в статистической комиссии при «Императорском вольном экономическом обществе» был прочитан доклад о необходимости экономического исследования черноморского побережья, причем была представлена программа работы. Но к такому исследованию, безусловно необходимому, ни местная, ни общая администрация приступить, по-видимому, не желает, а земства, как известно, в молодой черноморской губернии не имеется. А между тем в такой небольшой, но крайне разнообразной по почвенным и климатическим условиям губернии одно только земство и могло бы разрешить многочисленные, теперь назревшие сельскохозяйственные и экономические вопросы. Побережье богато, но оно еще не эксплуатировано русскими по недоразумению и невежеству, и его будущее впереди, близком или далеком – покажут обстоятельства, но что это будущее может быть блестящим, и губерния (и все побережье) богатой, дающей, следовательно, государству значительный доход – в этом я нисколько не сомневаюсь. Но теперь спит это знаменитое побережье; пустынно и тихо и в горах, и на море; разве в лесу стук топора да визг пилы нарушают покой дремлющего царства. Сто тысяч населения теперь, да и то голодное, а когда разовьются в этом дивном крае жизнь и культура, тогда будут миллионы людей, которым не будет тесно, ибо они все поглотятся работой.

Склад и особенность сельскохозяйственных работ на побережье оригинальны: каждый хозяин участка должен быть в то же время и работником, конечно главным, ибо на нем лежит инициатива. Эти условия уже начинают мало-помалу складываться, а при более благоприятных для свободного хозяйства условиях и при наличности земского самоуправления, все живое, с инициативой, полезной для края, выдвинется на арену общественной деятельности. Не бойтесь, и теперь для земства найдутся на побережье люди, а настоящее (не спекулятивное, как было до сих пор) *оживление* побережья привлечет из России настоящих культурных работников; откройте, наконец, доступ иностранцам, если они знающие и полезные люди; пусть живут и богатеют и показывают русским верные пути эксплуатации и процветания побережья, которое не уйдет из рук русских, особенно когда оно будет населенное и цветущее.

Задачи земства на черноморском побережье ясны, как божий день: всестороннее исследование края в сельскохозяйственном и экономическом отношениях. удешевление на первых порах хлеба для крестьян путем устройства земских складов для продажи муки (местные лавочники и кулаки продают пуд муки по 1 р. 60 к., покупая ее в Екатеринодаре 90 к. пуд). Нужда в хлебе такая, что поселяне сами ездят по непроходимым почти горным дорогам в Екатеринодар за мукой, теряя при этом две недели на поездку.

По сие время русские поселяне не знают, куда им обра-

титься за семенами (трав) для посева, где купить дешевле и лучше плуги на наличные деньги. Коммиссионерами в наших местах являются псаломщики и дьячки, забирая себе за комиссию лихие проценты. Для разведения плодовых садов и виноградников крестьяне не знают, куда обратиться за саженцами и чубуками (хорошо, что в нашей округе поселился садовод-швейцарец!). Далее, им нужно на первых порах получить разные сведения и указания, что может сделать земский агроном, которому работы на побережье будет очень много. Далее, табачное производство и сбыт, – который всецело теперь находится в руках скупщиков и перекупщиков, которые зарабатывают более 50 %.

Земство могло бы устроить табачные склады и войти в непосредственные сношения с фабрикантами, и этот огромный % от перекупки табака распределится бы между земством и производителями. Земству на побережье много, очень много работы, задачи земства благородные и крайне реальные: каждый год станет показывать результаты, видимые даже для близоруких. В самом деле, дороги, необходимость которых сознается ярко и населением, и администрацией, медицинская помощь, которая поставлена на побережье ниже всякой критики – при одном враче на целый округ. Возможно ли это? Укажите мне такую губернию, где бы врач в большом селении (напр., в нашем) мог бывать один раз в год, где нет ни фельдшерского пункта, ни аптеки и где поселяне сами лечатся, своими средствами!? И это на блестящем

черноморском побережье, где чуть не решено было провести страшно дорогую (стоимостью более 200 миллионов) железную дорогу, чтобы удовлетворить алчные аппетиты спекуляторов! Не напомнила бы эта железная дорога человека голодного и в рубище, но в блестящем фраке лучшего петербургского портного!?

Дороги (а не дорога!) действительно нужны только хозяйственные, перпендикулярные с морю и пути по морю. Земство всецело может этим заняться и осветить все нужды края, давая в то же время средства вырабатывать ту сельскохозяйственную единицу, которая вполне бы подходила к условиям той или другой местности побережья. Я не стану говорить об артельном виноделии (подвалах и орудиях производства), о сбережении фруктов и проч., – все придет в свое время, только при всех этих экономических и хозяйственных задачах не нужно забывать народной школы, которая в таком оригинальном крае должна иметь свою физиономию, должна ближе стоять и выражать жизнь и интересы насущных потребностей населения. Школа в высокой степени поможет культуре побережья, а земство должно выработать её будущую организацию.

Пора взглянуть на побережье, как на богатейшую, производительную губернию, при условиях мелкого культурного хозяйства во главе с трудовым населением. Время не ждет и Россия должна работать внутри себя и для себя.

С. Васюков.

с. Архипоосиповка.

1904 г.